



скользко. Много раз сталкивался с тем, что люди, разговаривая терминами, употребляя одни и те же слова, не понимают друг друга. Потому что вкладывают в них совершенно различный смысл. Для меня модернизм имеет абсолютно чёткие визуальные характеристики. И я в них не вписываюсь, мне кажется. В принципе, никак не определяю себя в этих категориях.

Хотя периодически мне делают комплименты или, напротив, упрекают, когда говорят, что «творчество Кунгурова отсылает к югендштилю». Да, наверное, можно говорить о модерне. В понимании «рисование а-ля Бердслея». В своё время я много смотрел его работ.

Наверняка, это как-то на меня влияло. Глупо от этого отказываться.

А на самого Бердслея сильно повлияла японская гравюра. Как раз в то время Япония открылась после длительной самоизоляции и на неё была дикая мода. Всюду звучало практически неприличное слово «жапанизм». Веяния сказались и на творчестве Ван Гога, который собирал японские гравюры. Стоили они тогда копейки, так что даже нищий Ван Гог мог себе их позволить.

Так вот, Бердслея, в отличие от японцев, я увидел уже довольно взрослым. Я впервые выехал за границу в 1990 году, в Израиль, и там зашёл в книжный магазин сети «Стеймачки».

После советских книжных у меня был культурный шок. Это не преувеличение! 1990 год. Я из Ярославля. В стране есть нечего. Но меня тогда поразили не израильские рынки, не супермаркеты, а именно книжные. Они просто «подмяли» меня под себя. Хотелось всего и сразу! Ну, насколько мне средства позволяли, я тогда купил себе художественных альбомов. В числе других и Бердслея.

Но прежде Бердслея в моей жизни были японские и персидские рисунки. Это то, что продолжает влиять на моё творчество и сегодня.

А один из моих любимейших художников — Врубель. Но его влияние — скорее внутреннее. По-моему,